

Рассеянная масса

Автор:

Михаил Айзенберг

Рассеянная масса

Михаил Айзенберг

Михаил Айзенберг родился в 1948 году в Москве, окончил Московский архитектурный институт. Автор поэтических книг «Указатель имен» (1993), «Пунктуация местности» (1995), «За Красными воротами» (2000), «Другие и прежние вещи» (2000), «В метре от нас» (2004) и трех книг эссеистики. Стихи, собранные в настоящей книге, написаны в 2004–2006 годах.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Михаил Айзенберг

Рассеянная масса

1

* * *

Церкви, обстроенные дворцами,

стены, обросшие чешуей,

встретились каменными крестцами —

стали одной семьей.

Так, бесконечное время празднуя,
улицы спутанные, густые,
сплошь покрывает загаром красная пыль,
занесенная из пустыни.

Так же несутся, сбиваясь в тучу,
ласточки на закате
над Ватиканом,
над Авентином.

Кто их так учит —
в плотном на миг застывать охвате,
взмахом кружить единым?

Ходит туман,
накрывает горы,
склоны с проборами боковыми,
башенные селенья.

Время движеньями круговыми
учит выстраивать укрепленье
в воздухе без опоры.

* * *

Рим сам в себе блуждает как в лесу,
не подпуская к памяти разлому,
и времени бегущую лозу

он, сохраняя, вяжет как соломю.

Стоит оградой римская стена,
пятнистая, поросшая коростой.

И зрительная помнит глубина
веселый свет на кладке медоносной,
на вырубках, застроенных давно.

Между стволов поваленных плутая,
Рим поднялся как лестница крутая
и опустился на глазное дно.

* * *

Полно быть жильцом укромным
в этом доме ледяном,
в этом городе огромном,
словно в черепае больном.

В черепной живут коробке
звон височный, треск сплошной,
да еще пароль короткий
слышу стенкой костяной.

Так под сводами вокзала
в ожиданьи поездов
речь летала, пыль плясала
из десятка городов.

Вот загадывают снова,
собирают изнутри
силы звука костяного:
«Отзыв, отзыв – повтори!»

И, хитро переиначив,
я ответ передаю —
хрипом выдав передатчик,
свистом выманив змею.

* * *

Если нет вам равных среди нас,
обращайтесь к рыбам и моллюскам,
обращайтесь к ракушкам в реке.
Говорите им на новорусском
незнакомом страшном языке —
как бывать на свете в первый раз.

Мы не слышим вас, – и только рыбы
замыкают илистую связь.

Мы не можем, а они могли бы,
в клеточную память возвратясь.

* * *

Эхо катится, и звук за ним ныряет.

Гул машинный все за нами повторяет,
или кассовые вторят автоматы:

вы злодеи, мы злодеями не будем,
вы злодеи, мы ни в чем не виноваты,
и зачем вы к нам, обычным людям?
Вам сюда, а мы направо, за правами.

Где-то терлись долго рядом с вами
и чужие запахи впитали.

Где злодеи? Мы в глаза их не видали.
Нас там не было, и быть там не могло.

Это радио тогда еще сказало —
на посадке, на причале, у вокзала.

Посмотри на электронное табло:
вы не с нами, вам налево, нам направо.

Вы направо, мы налево, где охрана?

Наше право виновато – неужели?

Наша правда вон из головы.

Неопознанные движутся мишени
друг за другом словно цепи войсковые.

Мы не выбыли, а выпали не вы,
мы не мы были и вместе мы не были

* * *

Ходят вести, потерявшие сознание.

Дым приходит и сегодня не рассеется,
дым и пепел из невидимого здания.

Дым не кончится, тревога не отселится,
не излечится контузия глубокая.
Проходите, ничего не трогая.

Стой, ни с места!

Я и так стою на месте.

Вместе слушаем последние известия.

И вдыхаем, выдыхаем тоже вместе.

Оживаем вместе, обмираем.

Кто последний?

Мы за вами, мы за вами.

Если кто здесь крайний, мы за краем
дым и пепел разгоняем рукавами.

* * *

Вдруг приходит новый,
действительно новый день —
как гигант, готовый вырубить лес.
Воздух дрожит, рассекает его клинок.
И отряд, идущий наперерез,
прочь пускается со всех ног.

В этих забавах мы еще новички.

И как снежные хлопья выхватываются фарами,
опускается воздух, изрезанный на клочки,
рассеченный сабельными ударами.

Мельницей ходят широкие рукава.

Невредимы мельницы-исполины.

В окне появляется голова
человека, сделанного из глины.

Он непонятен вблизи, различим вдали.

Контур заметен, облик еще неясен.

Кто он – впервые вылезший из земли,
только сейчас отделивший себя от грязи?

* * *

Надо мной стоит человек-гора.

Он: пора.

А я ему как ребенку:

ну, подожди минутку,
что вы все в одну дудку,
всех под одну гребенку,
как иван, кивающий на петра.

Вот он наваливается на крышу

Вот он идет по невидимому лучу

Что я услышу

Что я услышу

Что я услышу, когда закричу

* * *

Люди-тени, люди в шапках-невидимках

в двери входят и стоят по одному,

победители незримых поединков.

Крепостное их невидимое зодчество

и свобода, не доступная уму,

отторгают имя или отчество.

И не шорох, и не стук.

Так бывает, если вдруг

на пол падает бумага.

Ждут сигнала, ждут условленного знака.

Встали в круг.

* * *

В человеке живет вода, и она кипит.

Все разборчивей и слышней,

что она говорит, вода.

С истеченьем дней

все трудней уживаться с ней.

Никогда не спит,
не безмолвствует никогда.

И поди заставь ее жить не так, как она живет
в срок пожизненного труда.

Чтобы стала она как горячий лед,
как текучий камень стала она, вода.

* * *

Сил набирается темнота
в ночь перетягивать одеяло.
Все разбегается как вода.
Все из негодного материала.

Знаю, что яма ее без дна.
Темные правила не нарушу.
Только б, как оборотня луна,
мехом не вывернула наружу.

Сам, одеяло наискосок
ночь продержавший наполовину,

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ayzenberg_mihail/rasseyannaya-massa

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)